

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>

УДК 81'23, 811.133.1

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ: КОНТРОЛЬ И РИТУАЛЬНОСТЬ В ПОГРАНИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ МЕМУАРНОГО ТЕКСТА «ЗАПИСКИ БЛОКАДНОГО ЧЕЛОВЕКА» Л.Я. ГИНЗБУРГ)

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В работе рассматриваются ситуации экстремальные, ситуации пограничные, ситуации на грани человеческих возможностей или даже за их гранью, представленные в «Записках блокадного человека» Л.Я. Гинзбург.

Цель статьи – описание способов выражения приемов контроля, самоконтроля, поддержания ритуальных и культурно нормированных форм поведения в тексте записок о блокаде Ленинграда человека, пережившего лично этот период, – Л.Я. Гинзбург.

Обзор научной литературы. Продолжено исследование А.В. Михайлова и Т.В. Михайловой на материале «Записок» Л.Я. Гинзбург. Автор базируется на трудах В.В. Колесова по теории и истории концептов в русском языке. Работы по сопричастности И.Е. Кима, С.В. Усковой соприкасаются с проблематикой исследования, как и труды Р.О. Якобсона о соотношениях автоматического, сознательного и бессознательного в языке, семантике и категоризации невольности осуществления Т.И. Стексовой, средствах концептуализации мира Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева. Интересны психолингвистические эксперименты А.В. Вдовиченко.

Результаты исследования. Блокада Ленинграда описана как пограничная ситуация, в которой блокадный человек сохранял контроль и ритуальность в своем поведении и речи.

Выводы. Изучение состояний человека, представленных в «Записках» Л.Я. Гинзбург и подобных им текстах, в аспекте изучения роли ритуализации поведения, в отношении экспликации в тексте степени отрефлексированности и контролируемости действий позволяет определить возможности корреляции элементов системы «поведение человека – текст, описывающий поведение человека».

Ключевые слова: пограничная ситуация, контроль, ритуальность, поведение человека и тексты, мемуары, Л.Я. Гинзбург.

Постановка проблемы. Экстремальные ситуации, ситуации пограничные, ситуации на грани человеческих возможностей или даже за их гранью всегда интересовали филологов, психологов, философов, ср. [Якобсон, 1996; Франкл, 2017; Тарасов, 2010]. Автор рассматривает ситуацию выживания человека во время блокады города Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на материале дневника и записок Лидии Яковлевны Гинзбург, а точнее, выраженные в тексте записок аспекты отрефлексированного контроля и самоконтроля, попыток уберечь привычный распорядок жизни, воспринимаемого как почти священный ритуал, от разрушения и дальнейшего хаотичного распада.

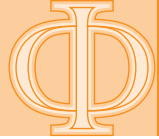
Цель статьи – описание способов выражения приемов контроля, самоконтроля, поддержания ритуальных и культурно нормированных форм поведения в тексте записок о блокаде Ленинграда человека, пережившего лично этот период, – Л.Я. Гинзбург.

Текст «Записок блокадного человека» Л.Я. Гинзбург представляет собой пример рефлексии и авторефлексии, которая происходила во время блокады и долгие годы после нее [Кобрин, 2014]. Автор, один из признанных авторитетов в теории психологической прозы, представивший образцы познания душевной жизни «не только на материале канонической художественной литературы, но также на литературе мемуарной, документальной» [Гинзбург, 2016, с. 7], сам мастерски строит свое повествование. Мемуарный текст конструируется как с точки зрения автора, так и с точки зрения условного героя Эн на основе наблюдения, самонаблюдения, самосознания.

Понятие *пограничной ситуации* в тексте далеко не случайно. Термин, пришедший из философии экзистенциализма и означающий моменты глубочайших потрясений (страх, страдание, борьба, смерть и др.), в которые человек познает себя как нечто безусловное [Ясперс, 2013], автору мемуаров, вероятно, близок и понятен. Выживание человека в запредельных ситуациях, изменение сознания блокадного человека, позиция выбора между злом и бóльшим злом – все эти темы обсуждаются в «Записках».

Автор, сам переживший блокаду и потому являющийся носителем «блокадного» сознания, репрезентирует набор важных понятий, способствующих проживанию человека в пограничных ситуациях. В данной статье рассмотрим понятие психологического контроля и ритуальности. Оба эти понятия имеют в семантике нечто общее, проявляющееся тем или иным образом в контекстах и синтагматических связях в тексте «Записок». На наш взгляд, таким общим является стремление к возможности влияния человека на действительность в пограничных ситуациях, когда реальное влияние человека на действительность практически сведено на самый минимальный уровень.

Обзор научной литературы по проблеме. В работе продолжено исследование, начатое А.В. Михайловым и Т.В. Михайловой на материале «Записок» Л.Я. Гинзбург, посвященное характеристикам «сдвинутого сознания» [Михайлов, Михайлова, 2019, с. 14–21]. Автор данной статьи согласен с мнением, представленным в работе В.В. Колесова и М.В. Пименовой [Колесов, Пименова, 2017]: анализ текста в связи с ментальностью лиц, имеющих отношение к данному тексту (автора, читателя, персонажей), с опорой на все виды связи слова в тексте на базе *концептологии*, может быть весьма продуктивным. Концептология «учитывает особенности русской ментальности, основанной на языке синтетического строя», «основная сила этого направления в том, что она изучает русскую ментальность не типологически и не только логически, а <...> комплексно в единстве всех оттенков – биопсихологического, социокультурного...» [Колесов, Пименова, 2017, с. 110].

Ряд интересных наблюдений по контролю и сопричастности приведен в работах И.Е. Кима [Ким; 2008; 2011]. По мнению С.В. Усковой, в структуре поступка и социального поступка можно выделить ожидание результата и его прогноз, рефлексию по поводу мотива (собственно, это и есть контроль и его разновидности со стороны субъекта поступка. – Т.М.) [Ускова, 2019, с. 162–169].

В свое время Р.О. Якобсон в ряде работ рассмотрел соотношения сознательного и бессознательного в языке, аспекты афазий [Якобсон, 1996], но результаты, полученные им, могут быть экстраполированы и на ситуации «пограничного» для человека типа.

Хорошо соотносятся с проблематикой контроля над внешними действиями и внутренними состояниями, описаниями ожиданий результативности действий человека работы Т.И. Стексовой, в частности ее положения о категории невольности осуществления [Стеклова, 2002]. Концептуализация мира рассмотрена в трудах Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1997].

Интересными и продуктивными представляются автору приемы постановки психолингвистических экспериментов и исследования их результатов, используемые в работе А.В. Вдовиченко, на основе которых делается вывод об относительной независимости языковых моделей, вербального и невербального речевого поведения [Вдовиченко, 2019, с. 29–40].

Методология. Автор данной статьи исходит из принципиального единства семантики и синтаксиса, лексического наполнения и конструкций, в связи с чем в работе анализируются лексемы со специфической семантикой *контроля / отсутствия контроля / потери контроля*, семантикой *ритуальности / следования и неследования ритуалу, приверженности обычному порядку вещей и его соблюдения*. Эти лексемы организуют пространство высказывания, именно поэтому анализируется контекстное окружение лексем, в том числе и противосто- и сопоставленные синтагмы.

Результаты исследования

1. Контроль.

Контроль понимается нами как процесс обеспечения человеком достижения целей, измерения результатов и возможность проведения корректировок в поведении, если результаты не достигнуты. Понятие контроля оказалось важным в тексте о блокаде, поскольку от умения контролировать себя и жизнь своих близких зависело очень многое.

1.1. Внешний контроль.

Оказывается, для блокадного человека было важно наличие социальной организованности в обществе. Обыденные вещи или ситуации в измененном сознании человека наделялись новыми смыслами и становились важными символами общества, находящегося на грани жизни и смерти.

Контроль над ситуацией в городе предполагает наличие власти, централизованной силы – управляющей, думающей о жителях, не бросающей их. Идея о присутствии некоего «центра», который, пусть и «невидимый», но управляет ситуаци-

ей в осажденном городе, была спасительной для психики людей, находящихся на грани голодного безумия: *«Блокадный голод был голод неплохо организованный. Люди знали, что от кого-то невидимого они получат тот минимум, при котором одни жили, другие умирали – это решал организм»* [Гинзбург, 2014, с. 85].

Понятие невидимого центра управления в «Записках блокадного человека» проявляется в совсем неожиданных для невоенного человека предметах и ситуациях. Поскольку вопросы выживания, как представлено в тексте мемуаров, были прежде всего связаны не с физическим состоянием тела, которое у всех было примерно одинаково, но с состоянием духа, то становится понятным, почему некоторые обыденные вещи или ситуации в блокаду воспринимаются как духоподъемные, несущие смыслы социальной связанности, организации и, следовательно, не одиночества, не оставленности человека. Ср. работы доктора Франкла, прошедшего четыре концлагеря и пишущего о доминанте духовных ценностей сумевших выжить в пограничных ситуациях людей [Франкл, 2017].

Автор мемуаров описывает «странное» поведение вещей в блокадный период: вещи становятся неконтролируемыми, создающими хаос, ибо все предметы, как представлено в тексте, уходят из-под воли человека и начинают жить своей жизнью, и необходимо было совершать волевые и механические усилия, чтобы вернуть их под волю хозяина.

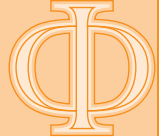
Видимо, поэтому даже легкий намек на присутствие организации в бытовой жизни становится важным фактором: *«Водопровод – человеческая мысль, связь вещей, победившая хаос, священная организация, централизация»* [Гинзбург, 2014, с. 47]. Трамвай, обычный вид пассажирского транспорта, в блокадном Ленинграде воспринимается как успокоительный и одновременно вдохновляющий символ контроля и власти человека в пограничной ситуации: *«Существовал центр, невидимо управляющий красными трамвайными вагонами. Вагоны бежали, центр работал. Рельсы вытекали из него и впадали обратно. Своей дугой каждый вагон был прикреплен к системе, централизован. ...Эн с облегчением следил, как потрепанный красный вагон, скрипя, огибает угол, послушный центру...»* [Гинзбург, 2014, с. 45].

Как видим, вполне обычные вещи и ситуации приобретают новые смыслы в блокадной жизни, становятся символами сопротивления враждебному миру и наступающему хаосу блокады.

1.2. Внутренний контроль.

1.2.1. Тело.

Семантика *наличия контроля / отсутствия контроля* была важна не только для вещей, предметов, сотворенных рукой человека. Сохранение контроля и власти над собственным телом и чувствами в блокадный период являлось одной из главных задач выживания. Над телом контроль часто был не властен. Организм «решал» сам, независимо от сознания человека, может он выжить или нет. Тело отчуждалось от человека, блокадный человек неотвратимо начинал терять власть над своим телом: *«Враждебный мир, наступая, выдвигает аванпосты. Ближайшим аванпостом оказалось вдруг собственное тело»* [Гинзбург, 2014, с. 42].

В первую очередь человек терял возможность управлять мелкими движениями руки, которые развиваются в младенческий период освоения им культурной и социальной сфер жизни и наличие которых является необходимым условием для формирования человека определенного цивилизационного уровня: *«Рука потеряла хватательные движения. Теперь ею можно было пользоваться как лапой, как культяпкой или как палкообразным орудием»* [Гинзбург, 2014, с. 42].

Тело начинает иметь «не свои» ощущения, как будто они принадлежат другому человеку: *«В отчужденном теле совершается ряд гнусных процессов – перерождения, усыхания, распухания, непохожих на старую добрую болезнь, потому что совершающихся как бы над мертвой материей»* [Гинзбург, 2014, с. 43]. Идею отчужденности тела от человека автор объясняет тем, что тело «сдается» раньше, становится мертвым, а психическая структура, душа, еще не признает это: *«С истощением отчуждение углублялось. Наконец все раздвоилось странным образом: истощенная оболочка – из разряда вещей, принадлежащих враждебному миру, – и душа, расположенная отдельно, где-то внутри грудной клетки»* [Гинзбург, 2014, с. 43].

Наступление враждебного мира смерти могло происходить неожиданно для сознания человека, что-то «пухло», отмирало, но люди «долго не знали», не чувствовали и «вдруг» начинали воспринимать *«что-то одеревенелое и осклизлое, особенно страшное своей безболезненностью: слой неживой материи у себя во рту»* [Гинзбург, 2014, с. 43].

1.2.2. Процесс еды.

Понятие контроля для блокадного человека было самым важным моментом во всем, что касалось еды. Ситуация еды изменила свою социальную природу: она перестала быть символом объединения (семейные ужины, праздники), перестала быть необходимым средством для осуществления важных дел обыденной жизни – она стала главной целью блокадного человека: *«Утратив свои психологические качества, еда очень скоро приобрела другое. Включенная некогда в распорядок дня, она сама превратилась теперь в его распорядок, сопровождавшая события – сама стала событием; одновременно сферой социальной реализации и обнаженных вкусовых ощущений»* [Гинзбург, 2014, с. 91].

У многих была своя система процесса еды. Соблюдение любой системы помогало выживать. Видимо, это было связано с ощущением контроля над ситуацией голода, что давало силы человеку: *«Существовали две основных системы: у одних еда была рассчитана на весь день, другие съедали все, что возможно съесть»* [Гинзбург, 2014, с. 95].

И любая система работала, т.е. помогала выживать, при условии, что человек, создавший эту систему, сохранял контроль и имел волю ей следовать: *«Первые принимали меры против самих себя. Они знали, что лучше защищена закрытая еда – консервы, неочищенная селедка, соевая колбаса, пока у нее есть шкурка. Вторые утверждали, что лучше быть иногда сытым, чем всегда полуголодным»* [Гинзбург, 2014, с. 95].

У блокадного человека возможностей выбрать в ситуации еды было немного, но при малейшей возможности появления свободного выбора люди старались что-то взять под свой контроль: *«многие старались оттянуть (сколько хватало сил) момент получения хлеба. Но шесть часов – это успокоительный рубеж, приносящий сознание новых возможностей. В своем роде это был даже лучший момент – хлеб еще весь впереди, но уже достижимая реальность сегодняшнего дня»* [Гинзбург, 2014, с. 46].

В каком-то смысле и расцвет «блокадной кулинарии» также был связан с желанием хотя бы немного проявить свою власть в ситуации голода. Как пишет автор, «блокадная мания кулинарии овладела самыми неподходящими людьми» [Гинзбург, 2014, с. 97].

Она объясняет этот феномен различными причинами – и желанием насладиться процессом приготовления, и желанием отойти от простого, «бесследного» процесса поедания продуктов и прикоснуться к искусству кулинарии, тем самым получить возможность придать «вещам осязаемость». И все-таки в тексте отмечается, что главной причиной кулинарных «маниакальных действий» людей, находившихся на грани голодной смерти, было неосознанное стремление «в растягивании» состояния, которое человек испытывает перед едой (еда есть, и еще не съедена): *«Элементарные материалы претворялись в блюдо. Мотивировались кулинарные затеи тем, что так сытнее или вкуснее. А дело было не в этом, но в наслаждении от жизни, от возни, в обогащении, в торможении и растягивании процесса...»* [Гинзбург, 2014, с. 97].

Необходимость контроля над ситуацией еды блокадниками была осознана сразу. В голодном городе появляются новые этические императивы, не принятые в мирное время, но осознанные и негласно принятые обществом в пограничной ситуации. Например, *«блокадные люди не угощали друг друга. Еда перестала быть средством общения»* [Гинзбург, 2014, с. 91]. Автор описывает диалог двух блокадников, один из которых зашел в гости к другому, когда в доме готовилась еда. И хозяин, и гость понимают, что законы гостеприимства в блокадном мире отменены: *«Простите, что я не вовремя, – сказал как-то Икс Игреку, зайдя к нему по делу как раз в тот момент, когда Игрек жарил себе на времянке лепешки. – Я вам помешал. Еда сейчас дело интимное»* [Гинзбург, 2014, с. 91].

Иные нравственные законы начинают действовать и в отношении с близкими людьми, и требовались внутренний контроль и твердая воля, чтоб их соблюсти: *«Им дана была непреложность ста двадцати пяти граммов, тарелки супа, порции каши, уместившейся на чайном блюде. Что сверх того – нельзя было ни купить, ни достать, ни украсть, ни вымолить. Друг и брат сидел рядом, зажимая свои сто двадцать пять. Несмотря ни на какие терзания, их нельзя было попросить у лучшего друга, и если бы друг сам предложил – их нельзя было взять (будучи в здравом уме)»* [Гинзбург, 2014, с. 85].

Автор мемуаров обращает внимание на то, что новые этические правила, возникшие в ситуации «большого голода», обрывали множество социальных связей

в обществе и были основаны на архаичных законах выживания, но они (эти правила) помогали человеку в нечеловеческих условиях «держаться» ситуации: *«При распаде системы ценностей происходит вторичное одичание культурного человека. При развале быта у него появляются пещерные замашки, пещерное отношение к огню, к пище, к одежде. Эгоистический человек слепо бродит среди явлений то агрессивно, то равнодушно-враждебных, отыскивая для себя лазейки наименьшего зла»* [Гинзбург, 2014, с. 107].

Чувство контроля, пусть даже незначительного, помогало блокадному человеку следовать своим внутренним задачам, подчиненным главной цели в ситуации смертельного голода – выжить. Это же чувство заставляло человека блюсти, хоть и трансформированные, законы социальной жизни.

2. Ритуальность.

Рассмотрим близкое к контролю понятие ритуальности, описанное в «Записках блокадного человека». Л.Я. Гинзбург использует эту лексему при описании автоматичности действий блокадного человека, имеющих систематический характер.

В современных психологических и психиатрических исследованиях понятие ритуальности известно, но не достаточно хорошо. По мнению психологов, «ритуальность, навязчивые состояния всегда имеют в качестве запускающей причины некий травматический опыт» [Микаелян, 2015, с. 80].

В «Записках» понятие травмы и травматического опыта обсуждается несколько раз, но лексема «ритуальность» используется в другом значении, хотя и близком языку современной психологии. Л.Я. Гинзбург описывает это явление как «автоматичность», «систематическое повторение», «соблюдение ритуала». При описании же болезненных навязчивых состояний, вызванных травмой большого голода, она понятие ритуальности не использует, а описывает это по-другому, но в пределах данной статьи это не анализируется.

В «Записках» понятие ритуальности в блокадном городе имеет разные причины и мотивации, при этом, конечно же, большинство из них проистекает из одного основного целеполагания человека – выжить в ситуациях, находящихся на грани жизни и смерти. Рассмотрим представления автора об основных функциях ритуальности действий человека в описываемых условиях.

2.1. Ритуальность как защитная функция.

В блокадном Ленинграде была создана система постоянного давления на человека, в том числе и на его психику. Систематичность бомбежек противника – это был *«продуманный элемент психической атаки»* [Гинзбург, 2014, с. 59]. Как пишет автор, *«немецкая аккуратность»* вовсе не была главной причиной того, что *«процедура вступала в свои права»* систематично, всегда в одно и то же время – около восьми часов вечера. Конечно, все это оказывало разрушительное воздействие на психику людей.

Даже систематичность защитных мероприятий города также имела негативные оттенки в восприятии жителей, именно по причине ритуального постоян-

ства и неизбежности «процедур»: *«звук внезапно отрывался от диска громкоговорителя, заполняя квартиру... так начиналась процедура бомбоубежища»* [Гинзбург, 2014, с. 59].

Постоянство голода – еще один вид тяжелого систематического воздействия на человека. В тексте воспоминаний состояние голода оценивается как самое страшное, именно потому, что голод был *«перманентен; невыключаем»*: *«Он присутствовал неотступно и сказывался всегда (не обязательно желанием есть); мучительнее, тоскливее всего во время еды, когда еда с ужасающей быстротой приближалась к концу, не принося насыщения»* [Гинзбург, 2014, с. 66].

Сравнивая разные голодные периоды за годы своей жизни, Л.Я. Гинзбург считает, в годы Гражданской войны было легче пережить голод именно вследствие его несистематичности. Тогда, по ее словам, *«голодали иначе, стихийно и хаотически... Ели фантастическую еду: шелуху, крыс и т.п., в то же время что-то комбинируя, меняя; и вдруг добывали мешок картошки»* [Гинзбург, 2014, с. 66].

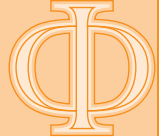
Собственно, вся система «ритуалов» блокадного человека была выстроена как совокупность ответных мер на запросы внешнего мира. Мир перед человеком блокадного города *«явственно представал в своей двойной функции – враждебной и защитной»* [Гинзбург, 2014, с. 45].

Чтобы выжить, необходимо было выходить из внутренней изоляции, и, несмотря на то, что в сознании человека мир вне дома был опасен («давил», «гнал», «отравлял»), поддерживать связь с внешним миром означало признание и его другой, защитной, функции – функции «защиты» и «заменителя зла». Поэтому ритуал приветствия мира для Эн – героя повествования, уже пережившего первую блокадную зиму и, следовательно, уже освоившего некоторые привычки правила выживания, – был обязателен: *«Обязательно, встав с постели, подойди к окну. Многолетний, неизменный жест утреннего возобновления связи с миром»* [Гинзбург, 2014, с. 45].

Автор воспоминаний о защитной функции ритуальности говорит неоднократно. Закрепление в практической деятельности блокадника повторяющихся действий создает автоматизм, облегчающий страдания человека: *«Цели, интересы, импульсы страдания порождают ряды закрепившихся действий, все возобновляемых и уже не обременительных для воли»* [Гинзбург, 2014, с. 50].

Ритуальность как закрепившееся, автоматическое действие помогает преодолеть сопротивление внешнего мира и выполнить жизненно необходимые дела: *«Потом надо еще принести воду из замерзшего подвала. ... Сопротивление каждой вещи нужно было одолевать собственной волей и телом, без промежуточных технических приспособлений»* [Гинзбург, 2014, с. 47].

Необходимость выживания «гоняла» человека по «кругу блокадного дня»: *«Он делал с утра домашние дела – не сделать их, отложить было бы смерти подобно... В определенный час он шел в свою столовую, потому что никоим образом нельзя было пропустить там обед...»* [Гинзбург, 2014, с. 51]. Чем меньше у человека было сил, тем больше автоматизма появлялось в его деятельности: *«Заторможенные люди монотонно ходили в булочную, в столовую, ожидая развязки.»*

Им дана была непреложность ста двадцати пяти граммов, тарелки супа, порции каши, уместавшейся на чайном блюде» [Гинзбург, 2014, с. 85].

Автор объясняет природу появления автоматических действий в пограничных ситуациях тем, что «автоматика – правильно решенная задача» [Гинзбург, 2014, с. 53]. Именно поэтому автоматизм был прямо пропорционален истощению, поскольку у бессильного человека частично отключалась воля и совершение действий происходило почти вне контроля сознания, на уровне телесного «знания». Это помогало человеческому организму выжить в страшной ситуации голода. По свидетельству Л.Я. Гинзбург, менее голодное состояние создавало больше трудностей блокадному человеку: «Сейчас, в периоде передышки, когда импульсы страдания не так могущественны и принудительны, для занятий бытовыми делами требуется даже больше душевных усилий» [Гинзбург, 2014, с. 50].

2.2. Успокоительная функция ритуальности.

В «Записках» есть упоминания об успокоительной функции ритуальности. Сама повторяемость действий, как ни странно, снимала повышенную психическую напряженность: «В ритуальной повторяемости процедуры было уже нечто успокоительное» [Гинзбург, 2014, с. 60].

Вот как автор описывает выполнение ритуальной процедуры под названием «подвал»: «Тревоги были разной продолжительности, частоты, силы, процедура же была до ритуальности однообразна. Люди надевали калоши, пальто. Жаль было недопитого чаю, и не хотелось спускаться в холодный подвал. ...В подвале у многих были привычные места, там встречали знакомых, разговаривали, дремали, иногда читали, если удавалось перебраться к лампочке; выходили к дверям покурить» [Гинзбург, 2014, с. 59].

В тексте несколько раз звучит мысль об алогичности мышления и о парадоксальности эмоционального восприятия блокадного человека: «вопреки всякой логики – напряжение нервов падало, уже когда человек выходил на лестницу, направляясь в убежище» [Гинзбург, 2014, с. 60]. Хотя лестничная площадка – такое же опасное место, как и квартира, но ритуальное действие уже начинало успокаивать.

Возможно, ритуал создавал иллюзию «магического» управления действительностью: «Это было вступление в процедуру, – благополучный ее конец проверялся ежедневно на опыте. Многим даже казалось – именно процесс спуска и отсиживания в подвале обеспечивает благополучный исход; им не приходило в голову: на этот раз дом точно также уцелел бы, если б они остались наверху в своих квартирах. Их удивило бы это соображение, столь очевидное» [Гинзбург, 2014, с. 60].

2.3. Ритуальность как мечта.

Вынужденная ритуальность действий приводит к созданию режима дня, и, к удивлению автора, это не только спасает, но и может иметь неявное ощущение исполнения мечты: «Бег по кругу приобретает отчасти характер режима. Для многих режим, рабочий порядок всегда был недостижимой мечтой» [Гинзбург, 2014, с. 50]. Условный герой «Записок» Эн в мирной жизни так же, как и многие, хотел, но не мог жить по четкому распорядку дня: «Эн тоже всю жизнь мечтал

о рабочем режиме дня и даже считал, что режима не получается только из-за привычки поздно вставать» [Гинзбург, 2014, с. 50].

А вот блокадная жизнь человека, обращает внимание автор воспоминаний, была «расчищена» от «разных заменителей и мистификаций», от «томящего тщеславия», от «любовных неувязок» железной «причинно-следственной связью импульсов и поступков»: «Он делал с утра домашние дела – не сделать их, отложить было бы смерти подобно... В определенный час он шел в свою столовую, потому что никоим образом нельзя было пропустить там обед...» [Гинзбург, 2014, с. 50].

2.4. Ритуальность как способ избежать изменений.

Несомненно, ритуальность как автоматичность и систематичность помогала блокадникам выживать в пограничных ситуациях, но при этом с психикой человека происходили изменения. У людей развивалось сильное нежелание изменять свое поведение, даже если речь идет об изменении к лучшему.

Автор объясняет поведение героя отказом от передвижения на трамвае именно этим: «Он еще продолжал ходить пешком, объясняя, что это давка, что долго ждать и проще дойти пешком. На самом же деле окостеневшее бытие выталкивало новый элемент. За время перерыва в трамвайном сообщении оно успело твердо сложиться из серии повторяющихся рефлексивных жестов» [Гинзбург, 2014, с. 77]. Созданная в процессе напряженного выживания система одних и тех же действий на неосознанном уровне была предпочтительнее для блокадного человека. Здесь опять действует иная, абсурдная с точки зрения мирной жизни логика, о которой говорилось нами раньше. Автор объясняет это явление с точки зрения оптимального сохранения энергии в различных биологических и социальных системах: «Устоявшаяся система непрерывно приспосабливается к переменным ситуациям и непрерывно стремится к своему исходному состоянию» [Гинзбург, 2014, с. 52].

Вероятно, вот этой «закостенелостью» сознания объясняется подмеченная автором потрясающая по своей абсурдности деталь – отсутствие удовольствия от еды «вне блокадного ритуала»: «З. ел не стесняясь и не испытывая вождения к этому хлебу; его угнетало разочарование. Этот немереный хлеб был бы уместен во сне, а в действительности он, очевидно, требовал другой, неблокадной апперцепции» [Гинзбург, 2014, с. 93].

Как видим, ритуальность – это ответная реакция на запредельную по своей жестокости действительность, это способ, к которому человек прибегает, чтобы пережить ряд психологических травм. Человек, испытывающий сильные страдания, напоминает Л.Я. Гинзбург, обращается к различным защитным реакциям: «Количество страдания переходит в другое качество ощущений. Так, тяжело раненные в первый миг не испытывают боли, а замерзающие под конец впадают в приятное состояние» [Гинзбург, 2014, с. 83].

Выводы. Таким образом, в анализируемом тексте блокада Ленинграда описана как некая пограничная ситуация, создающая свою специфическую действительность. Для того чтобы выжить, блокадный человек осознанно и неосознанно использовал ряд психологических приемов, два из которых представлены в дан-

ной статье: *контроль* и *ритуальность*. Оба эти понятия имеют в своей семантике нечто общее, проявляющееся тем или иным образом в синтагматических связях в тексте «Записок».

Заключение. Изучение состояний человека, представленных в «Записках» Л.Я. Гинзбург и подобных им текстах, в аспекте изучения роли ритуализации поведения, в отношении экспликации в тексте степени отрефлексированности и контролируемости действий позволяет определить возможности корреляции элементов системы «поведение человека – текст, описывающий поведение человека».

Библиографический список

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (На материале рус. грамматики). М.: Школа «Мастера русской культуры»; Кошелев, 1997. 574 с.
2. Вдовиченко А.В. Факт сознания и коммуникативное действие // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-30-40
3. Гинзбург Л.Я. Записки блокадного человека. Воспоминания. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: Азбука, 2016. 704 с.
5. Ким И.Е. Неязыковые и языковые средства актуализации сопричастности / чуждости и коммунальный быт (опыт лингвистического прочтения книги И.В. Утехина «Очерки коммунального быта») // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сб. ст. в честь проф. Т.А. Колосовой / отв. ред. Н.Б. Кошкарёва, О.М. Исаченко. Новосибирск: НГУ, 2008. С. 350–362.
6. Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск: СФУ, 2011. 503 с.
7. Кобрин К. Прорыв блокадного круга // Гинзбург Л.Я. Записки блокадного человека. Воспоминания. М.: Эксмо, 2014. С. 7–34.
8. Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2017. 246 с.
9. Микаелян В.А., Микаелян Э.В. Феномен ритуальности при навязчивых состояниях: психоаналитический этюд // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 4. С. 79–105.
10. Михайлов А.В., Михайлова Т.В. Языковая презентация «сдвинутого» сознания в русской мемуаристике («Записки блокадного человека» Л.Я. Гинзбург) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3.
11. Стексова Т.И. Семантическая категория невольности осуществления в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2002. 327 с.
12. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12) (выпуск посвящен 75-летию Е.Ф. Тарасова). С. 20–26.
13. Ускова С.В. Экспликация мотива в каузальной модели поступка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 2 (48). DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-48-2-134>
14. Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.
15. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
16. Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+РООИ. Реабилитация, 2013. 336 с.

Сведения об авторе

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва; e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>

ON THE VERGE OF LIFE AND DEATH: CONTROL AND RITUALISM IN BORDER SITUATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE MEMOIR TEXT NOTES OF THE BLOCKADE MAN BY L.YA. GINZBURG)

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper deals with extreme situations, border situations, situations on the verge of human capabilities or even beyond them, presented in *Notes of the Blockade Man* by L.Y. Ginzburg. The purpose of the article is to describe ways of expressing methods of control, self-control, maintenance of ritual and culturally normalized forms of behavior in the text of notes about the siege of Leningrad.

Materials and Methods. The work continues the study started by A. V. Mikhaylov and T. V. Mikhaylova on the material of *Notes* by L.Ya. Ginzburg. The author grounds her research on the works of V.V. Kolesov about the theory and history of concepts in the Russian language. Works on the involvement by I.E. Kim, S.V. Uskova come into contact with the problems raised by the current research, as well as the works by R.O. Jacobson on the relations of the automatic, conscious and unconscious elements in a language, T.I. Steksova on semantics and categorization of involuntary realization, T.V. Bulygina and A.D. Shmelev on means of conceptualization of the world. The psycholinguistic experiments by A.V. Vdovichenko are also of interest.

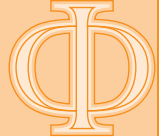
Results. The siege of Leningrad is described as a border situation in which the blockade man maintained control and ritualism in his behavior and speech.

Conclusions. The study of human states, presented in the *Notes* by L. Ya. Ginzburg and similar texts, in the aspect of studying the role of ritualization of behavior, in relation to the explication in the text of the degree of reflexivity and controllability of actions, allows us to determine the possibility of correlation of elements of the system „human behavior – the text describing human behavior”.

Keywords: *border situation, control, ritualism, human behavior and texts, memoirs, L.Ya. Ginzburg.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira: (Na materiale russkoy. grammatiki) [Language conceptualization of the world:(on the material of Russian grammars)]. M.: Shkola „Mastera russkoj kul'tury”; Koshelev, 1997. 574 s.
2. Vdovichenko A.V. Fakt soznaniya i kommunikativnoe dejstvie [The fact of consciousness and communicative action, In Journal of psycholinguistics] // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 2 (40). DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-30-40.
3. Ginzburg L.Ya. Zapiski blokadnogo cheloveka. Vospominaniya [Notes of a blockade person. Memories]. M.: Eksmo, 2014. 640 s.
4. Ginzburg L.Ya. O psihologicheskoy proze [On psychological prose]. M.: Azbuka, 2016. 704 s.
5. Kim I.E. Neyazykovye i yazykovye sredstva aktualizacii soprichastnosti / chuzhdosti i kommunal'nyj byt (opyt lingvisticheskogo prochteniya knigi I.V. Utekhina „Ocherki kommunal'nogo byta”) // Asimetriya kak princip funkcionirovaniya yazykovyh edinic: sb. statej v chest' prof. T.A. Kolosovoj / otv. red. N.B. Koshkareva, O.M. Isachenko [Non-linguistic

- and linguistic means of actualization of participation / alienation and communal life (experience of linguistic reading of I.V. Utekhin's book "Essays of communal life"), In *Asymmetry as a principle of functioning of language units: collection of articles in honor of prof. T.A. Kolosova / ex. editors N.B. Koshkareva, O.M. Isachenko*. Novosibirsk: NGU, 2008. S. 350–362.
6. Kim I.E. *Soprichastnost' i kontrol' v lichnoj i social'noj semanticheskikh sferah sovremennogo russkogo yazyka* [Participation and control in personal and social semantic spheres of modern Russian language]: dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnoyarsk: SFU, 2011. 503 s.
 7. Kobrin K. *Proryv blokadnogo kruga* // In Ginzburg L.Ya. *Zapiski blokadnogo cheloveka Vospominaniya* [Break the blockade circle, Notes of a blockade person. Memories]. M.: Eksmo, 2014. S. 7–34.
 8. Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Vvedenie v konceptologiyu* [Introduction to Conceptology]. M.: Flinta; Nauka, 2017. 246 s.
 9. Mikaelyan V.A., Mikaelyan E.V. *Fenomen ritual'nosti pri navyazchivyyh sostoyaniyah: psihoanaliticheskij etyud* [Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia Vestnik psikiatrii i psihologii Chuvashii In The phenomenon of rituality in obsessive states: a psychoanalytic study]. 2015. T. 11, № 4. S. 79–105.
 10. Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V. *Yazykovaya prezentatsiya „sdvnutogo” soznaniya v russkoj memuaristike („Zapiski blokadnogo cheloveka” L.Ya. Ginzburg)* // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura [Linguistic presentation of “shifted” consciousness in Russian memoirs (Notes of the Siege of a Person by L.Ya. Ginzburg), In Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. The culture]. 2019. № 3.
 11. Steksova T.I. *Semanticheskaya kategoriya nevol'nosti osushchestvleniya v russkom yazyke* [Semantic category of involuntary realization in the Russian language]: dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul: Altajskij gos. universitet, 2002. 327 s.
 12. Tarasov E.F. *Problemy teorii rechevogo obshcheniya* // *Voprosy psiholingvistiki* [Problems of the theory of speech communication, In Journal of psycholinguistics]. 2010. № 2 (12) (vypusk posvyashchen 75-letiyu E.F. Tarasova). S. 20–26.
 13. Uskova S.V. *Eksplikatsiya motiva v kauzal'noj modeli postupka* // Vestnik KGPU [Explication of motive in causal model of action, In Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. 2019. № 2 (48). S. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-48-2-134>
 14. Frankl V. *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistencial'nyj analiz* [The doctor and the soul: Logotherapy and existential analysis]. M.: Al'pina nonfikshn, 2017. 338 s.
 15. Yakobson R.O. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. M.: Gnozis, 1996. 248 s.
 16. Yaspers K. *Razum i ekzistenciya* [Reason and Existence]. M.: Kanon+ROOI. Reabilitatsiya, 2013. 336 s.

About the author

Tatiana Vitalyevna Mikhaylova – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; e-mail: ta.rada@mail.ru